

ПЕСОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

1816, выдержки Дятловых от 09.03.2024, 1–4/21=81%

1. едва пробьет девять часов, говорила: «Ну, дети! Теперь в постель! В постель! Песочный человек идет, я уже примечаю!» И правда, всякий раз я слышал, как тяжелые, мерные шаги громыхали по лестнице; верно, то был Песочный человек. Однажды это глухое топание и грохот особенно напугали меня; я спросил мать, когда она нас уводила: «Ах, маменька, кто ж этот злой Песочник, что всегда прогоняет нас от папы? Каков он с виду?» — «Дитя мое, нет никакого Песочника, — ответила мать, — когда я говорю, что идет Песочный человек, это лишь значит, что у вас слипаются веки и вы не можете раскрыть глаз, словно вам их запорошили песком». Ответ матери не успокоил меня, и в детском моем уме явственно возникла мысль, что матушка отрицает существование Песочного человека для того только, чтоб мы его не боялись, — я-то ведь всегда слышал, как он подымается по лестнице!
2. Но, хотя ты с ребяческой задирчивостью порой и выговаривал мне, будто у меня такой спокойный и рассудительный нрав, что если бы дом вот-вот готов был обрушиться, то я, подобно некоей женщине, прежде чем убежать, успела бы проворно поправить загнутую занавеску,
3. Зловещие свидания его с твоим отцом в ночную пору были не что иное, как тайные занятия алхимией, чем матушка твоя не могла быть довольна, ибо на то, нет сомнения, уходило попусту много денег, да и, как всегда бывает с подобными адептами, сии труды, наполняя душу отца твоего обманчивыми стремлениями к высокой мудрости, отвлекали его от забот о своем семействе.
4. «В эту холодную душу не проникает ни один луч того таинственного, что так часто обвивает человека незримыми руками; она видит только пеструю поверхность мира и, как ребячливое дитя, радуется золотистым плодам, в сердцевине коих скрыт смертоносный яд».
5. или тебе не верится, что и веселая, беспечальная, беззаботная душа может почувствовать враждебное проникновение темной силы, стремящейся погубить нас в нашем собственном «я»?
6. Ежели существует темная сила, которая враждебно и предательски забрасывает в нашу душу петлю, чтобы потом захватить нас и увлечь на опасную, губительную стезю, куда мы бы иначе никогда не вступили, — ежели существует такая сила, то она должна принять наш собственный образ, стать нашим «я», ибо только в этом случае уверуем мы в нее и дадим ей место в нашей душе, необходимое ей для ее таинственной работы. Но ежели дух наш тверд и укреплен жизненной бодростью, то он способен отличить чуждое, враждебное ему воздействие именно как таковое и спокойно следовать тем путем, куда влекут нас наши склонности и призвание, — тогда эта зловещая сила исчезнет в напрасном борении за свой образ, который должен стать отражением нашего «я».
7. «Верно и то, — прибавил Лотар, — что темная физическая сила, которой мы предаемся только по собственной воле, часто населяет нашу душу чуждыми образами, занесенными в нее внешним миром, так что мы сами только воспламеняем наш дух, который, как представляется нам в диковинном заблуждении, говорит из этого образа. Это фантом нашего собственного «я», чье внутреннее сродство с нами и глубокое воздействие на нашу душу ввергает нас в ад или возносит на небеса».
8. нет ничего более удивительного и безумного, чем сама действительная жизнь, и что поэт может представить лишь ее смутное отражение, словно в негладко отполированном зеркале.
9. Клару никак нельзя было назвать красивой; на этом сходились все, кому по должности надлежало понимать в красоте.
10. Он беспрестанно говорил, что всякий человек, мня себя свободным, лишь служит ужасной игре темных сил; тщетно будет им противиться, надо со смирением сносить то, что предначертано самим роком. Он заходил еще далее, утверждая, что весьма безрассудно полагать, будто в искусстве и науке можно творить по собственному произволу, ибо

вдохновение, без коего невозможно ничего произвести, рождается не из нашей души, а от воздействия какого-то вне нас лежащего высшего начала. Рассудительной Кларе все эти мистические бредни были в высшей степени противны, но все старания их опровергнуть, по видимому, были напрасны.

11. — Да, Натанаэль! Ты прав. Коппелиус — злое враждебное начало, он, подобно дьявольской силе, которая явственно проникла в нашу жизнь, может произвести ужаснейшее действие, но только в том случае, ежели ты не исторгнешь его из своего ума и сердца. Покуда ты в него веришь, он существует и оказывает на тебя свое действие, только твоя вера и составляет его могущество.
12. Натанаэль, разгневанный тем, что Клара допускает бытие демона лишь в собственной его душе, пустился было в изложение целого учения о дьяволе и темных силах, но Клара, к немалой его досаде, с неудовольствием перебила его каким-то ничтожным замечанием. Он полагал, что холодным, нечувствительным душам не дано постичь столь глубокие тайны, однако ж, не отдавая себе отчета, что к подобным низменным натурам он причисляет и Клару, не оставлял попыток приобщить ее к этим тайнам.
13. Ничто не было ей так несносно, как скука; в ее взорах и речах тотчас обнаруживалась непреодолимая умственная дремота. Сочинения Натанаэля и впрямь были отменно скучны. Его досада на холодный, прозаический нрав Клары возрастала с каждым днем; Клара также не могла побороть свое неудовольствие темным, сумрачным, скучным мистицизмом Натанаэля, и, таким образом, неприметно для них самих, сердца их все более и более разделялись.
14. Натанаэль глядит в глаза Кларе; но это сама смерть приветливо взирает на него очами любимой.
15. Сочиняя это, Натанаэль был весьма рассудителен и спокоен, он оттачивал и улучшал каждую строку, и так как он подчинил себя метрическим канонам, то не успокоился до тех пор, пока его стих не достиг полной чистоты и благозвучия.
16. Тут Натанаэль вскочил и с запальчивостью, оттолкнув от себя Клару, вскричал: — Ты бездушный, проклятый автомат!
17. легенда о мертвой невесте внезапно пришла ему на ум;
18. и особенно нападавшие на оцепенелую, безгласную Олимпию, которую, невзирая на красивую наружность, обвиняли в совершенном тупоумии, по какой причине Спаланцани и скрывал ее так долго. Натанаэль слушал эти толки не без затаенного гнева, но он молчал; ибо, полагал он, стоит ли труда доказывать этим буршам, что их собственное тупоумие препятствует им познать глубокую прекрасную душу Олимпии.
19. — Может статься, что вам, холодным прозаикам, и не по себе от присутствия Олимпии. Но только душе поэта открывает себя сходная по натуре организация! Только мне светят ее полные любви взоры, пронизывая сиянием все мои чувства и помыслы, только в любви Олимпии обретаю я себя вновь.
20. Она не многоречива, это правда, но ее скупые слова служат как бы подлинными иероглифами внутреннего мира, исполненными любви и высшего постижения духовной жизни через созерцание вечного потустороннего бытия. Однако ж, вы глухи ко всему этому, и слова мои напрасны.
21. Но зато у него еще никогда не бывало столь прилежной слушательницы. Она не вязала и не вышивала, не глядела в окно, не кормила птиц, не играла с комнатной собачонкой, с любимой кошечкой, не вертела в руках обрывок бумаги или еще что-нибудь, не силилась скрыть зевоту тихим притворным покашливанием — одним словом, целыми часами, не трогаясь с места, не шелохнувшись, глядела она в очи возлюбленному, не сводя с него неподвижного взора, и все пламеннее, все живее и живее становился этот взор.
22. Но если Натанаэль в светлые, рассудительные минуты, как, например, утром, тотчас после пробуждения, и вспоминал о полнейшей пассивности и немногословии Олимпии, то все же говорил: «Что значат слова, слова! Взгляд ее небесных очей говорит мне более, нежели любой язык на земле! Да и может ли дитя небес вместить себя в узкий круг, очерченный нашими жалкими земными нуждами?»

23. Однако ж большую часть высокочтимых господ подобные объяснения не успокоили; рассказ об автомате глубоко запал им в душу, и в них вселилась отвратительная недоверчивость к человеческим лицам. Многие влюбленные, дабы совершенно удостовериться, что они пленены не деревянной куклой, требовали от своих возлюбленных, чтобы те слегка фальшивили в пении и танцевали не в такт, чтобы они, когда им читали вслух, вязали, вышивали, играли с комнатной собачкой и т. д., а более всего — чтобы они не только слушали, но иногда говорили и сами, да так, чтобы их речи и впрямь выражали мысли и чувства. У многих любовные связи укрепились и стали задушевней, другие, напротив, спокойно разошлись. «Поистине, ни за что нельзя поручиться», — говорили то те, то другие. Во время чаепития все невероятно зевали и никто не чихал, чтобы отвести от себя всякое подозрение. Спаланцани, как уже сказано, был принужден уехать, дабы избежать судебного следствия по делу «об обманном введении в общество людей-автоматов». Коппола также исчез.
24. Собирались взойти на башню, чтобы связать безумного, но Коппелиус сказал со смехом: «Ха-ха, повремените малость, он спустится сам», — и стал глядеть вместе со всеми. Внезапно Натанаэль стал недвижим, словно оцепенев, перевесился вниз, завидел Коппелиуса и с пронзительным воплем: «А... Глаза! Хороши глаза!..» — прыгнул через перила. Когда Натанаэль с разможенной головой упал на мостовую, Коппелиус исчез в толпе.
25. *Из первого варианта он убрал некоторые сцены и изменил концовку.*
26. *Мотив автомата, образующий главный сюжетный узел новеллы, связан в первую очередь с распространившейся в Европе рубежа XVIII и XIX веков своеобразной модой на автоматы — механические конструкции, имитирующие деятельность человека.*
27. *Гофман представляет читателю страшный мир, где неразличимы грани между одушевленным и неодушевленным, где под угрозой уничтожения оказывается сама духовность.*
28. *Метафорой противоречивой многозначности жизни выступает в новелле мотив глаз. Глаза — зеркало души. Гегель писал: «Душа концентрируется в глазах и не только видит посредством их, но также и видна в них» («Эстетика», т. I).*
29. *Все механическое — лживо, подлинно только искусство.*
30. *Medias in res (лат.) — слова из известного трактата Горация «Искусство поэзии», где римский поэт советует авторам начинать произведение сразу с изображения активного действия.*

Конец текста